

МОСКВА ПРИБЛИЖАЕТСЯ К ЦЕНТРУ

Валерий Фадеев

ВАЛЕРИЙ ФАДЕЕВ — российский журналист, политолог, общественный деятель. Главный редактор журнала «Эксперт» (с 1998), директор Института общественного проектирования (ИНОП), член Общественной палаты РФ, глава Гильдии деловой журналистики, президент Общероссийской организации работников СМИ «МедиаСоюз».

РЖ *Уважаемый Валерий Александрович, Гордон Браун год назад заявил о том, что «вашиingtonский консенсус» закончился. Насколько оправдана эта точка зрения? Означает ли это, что происходит демонтаж и американоцентричного мира?*

«Вашингтонский консенсус» — это довольно условное понятие. Хотя само название появилось в конце 1980-х — 1990 годов, принципы этого консенсуса в некоторой своей части сложились в предыдущие десятилетия. «Вашингтонский консенсус» предполагает вполне определенный ряд экономических действий во всех странах: это открытость, контроль бюджета, очень жесткий кон-

троль инфляции и вообще очень жесткий контроль финансовой сферы. Последнее, возможно, является первоочередной задачей, может быть, даже в ущерб социальным вопросам. Все это должно было создавать возможности для проникновения внешнего капитала при максимально благоприятных условиях.

Для чего нужна стабильность? Она нужна для удобства работы капитала и для предсказуемости будущего. В определенной степени здесь есть позитивные аспекты, потому что, в сущности, глобализация прошла именно отчасти благодаря такому подходу к мировой экономике и к финансовой политике отдельных стран.

Правда, о новизне здесь говорить не приходится. Скорее, «вашингтонский консенсус» — это некоторое продолжение той политики, которая, например, в XIX веке называлась фритредерство.

Подобная политика и в XIX веке, и в XX, и в XXI была выгодна сильным странам. Вопреки известной концепции Риккардо, согласно которой свобода торговли всегда и всех приводит к положительным результатам, это не так. Свобода торговли почти всегда приводит к положительным результатам сильных и только иногда — слабых. Когда этот период «иногда» заканчивается, слабые страны начинают чувствовать, что их положение не улучшается, а ухудшается, они начинают бастовать, бунтовать и выступать против свободы торговли, либерализма или «вашингтонского консенсуса». Сегодня мы находимся в фазе, когда потенциал функционирования системы, основанной на вышеупомянутых принципах, исчерпан. Эта система прекратила функционирование, потому что меняется режим ее работы. При этом сильные страны пытаются продлить как можно дольше этот режим для своих выгод, а слабые

страны пытаются как можно скорее его прекратить.

Для США с их на самом деле относительно низкой производительностью жизненно важны открытые границы и свободные рынки капитала. И они были как раз главным получателем выгод от того, что называют «вашингтонским консенсусом».

При этом говорить о том, что «вашингтонский консенсус» и «американоцентричный мир» — это понятия-синонимы, не совсем оправданно. Да, Америка прошла высшую фазу своего лидерства: она остается лидером, но перестала быть гегемоном.

РЖ *Существует ли, на ваш взгляд, в настоящий момент международный консенсус по поводу допустимых и недопустимых нормативов государственной политики?*

Такого консенсуса не существует. Пока идет поиск новых стандартов. В частности, как раз поиску этих стандартов, роли государства, стандартов демократии посвящен Ярославский мировой форум. Этот поиск только начался, и он будет продолжаться довольно долгое время. Совершенно ясными пока кажутся только две вещи. Во-первых, нельзя надеяться, что открытость, регулирование финансовой сферы, жесткая монетарная политика и подобные вещи в состоянии обеспечить благосостояние для всех. И, во-вторых, нельзя надеяться, что уменьшение роли государства ведет к благосостоянию. Скорее всего, наоборот, в ближайшие годы и десятилетия будет наблюдаться усиление роли государства. Однако нельзя потерять творческий потенциал капитализма, нельзя разрушить свободную рыночную систему. Потому что если она правильно встраивается в социальную систему общества, то рынок дает очевидные положительные результаты.

РЖ *Нужно ли вообще точно формулировать и фиксировать положения нового политического консенсуса?*

Конечно. Но эта фиксация происходит автоматически. Когда возникает общее, пусть даже смутное, понимание того, что сейчас главное, что сейчас правильно делать и где вектор движения, то этот консенсус возникает автоматически. Можно, конечно, его потом выписать, и какой-нибудь умник так и сделает в своей очередной статье, как это произошло с «вашигтонским консенсусом». Но ведь сам консенсус, по сути, сложился задолго до того, как он был назван. Так же произойдет и ныне. Этот круг идей, сформировавшись, пусть даже смутно, задаст вектор развития ведущих стран мира, и не только ведущих — десятков стран мира, которые пытаются сохранить свой суверенитет и пытаются двигаться самостоятельно.

Некоторые «незападные» интеллектуалы в своих кулуарных дискуссиях с недавних пор говорят о «московском консенсусе». Эти интеллектуалы — не те, кто обслуживает Давос. Или только часть из них — это те, кто обслуживает Давос, а другие, скорее, туда не приглашаются. Как это ни покажется многим странном, Россия оказывается тем важным государством, **которое претендует, и не только претендует, но и, по мнению многих, может стать той страной, которая**

«Незападные» интеллектуалы в своих кулуарных дискуссиях с недавних пор говорят о «московском консенсусе»

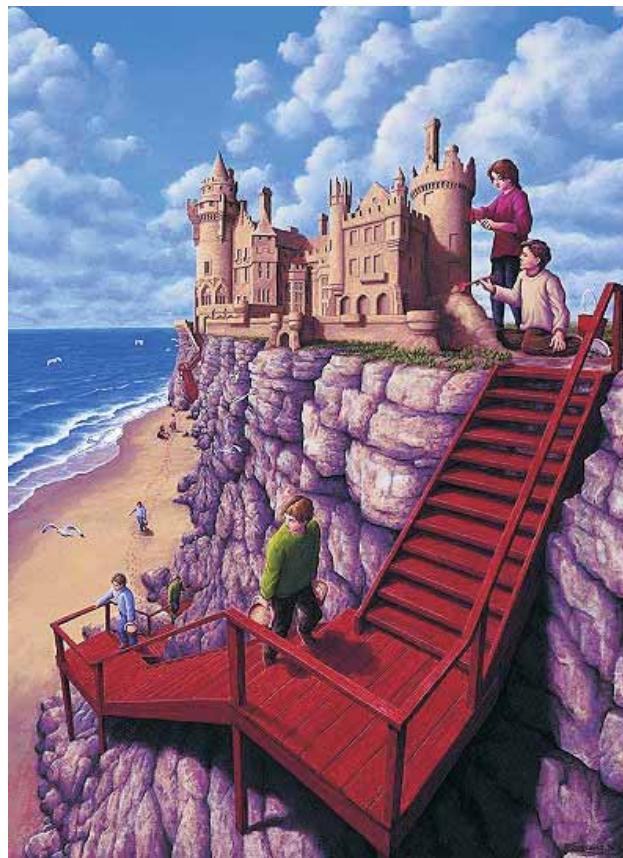
будет в состоянии объединить главные трендовые идеи текущего момента. Поэтому речь может идти и о возможном «московском консенсусе». Хотя про него публично никто не говорит.

Кроме того, неизбежно усиление неевропейских стран. И с этим придется считаться. И, наверное, одним из элементов будущего консенсуса будет признание того, что учебные модели западного построения государства и демократии являются единственно верными. Делаю акцент на слове

«учебные», потому что все западные страны довольно сильно отличаются друг от друга, зачастую даже принципами своего функционирования.

Пока же Запад по-прежнему ощущает себя лидером мира, и хочу заметить, что он пока им и является. Его способность признать лидером кого-либо из незападного мира будет зависеть только от того, насколько мощными будут экономики этих стран, насколько эти страны действительно будут лидерами. **Разве можно говорить о Китае как о лидере мира?** Да, он мировой лидер. По производству цемента, железной руды и строительству дорог. Но ведь в части инновационной, в части задания вектора развития для мира он остается крайне архаичной страной. Копировать автомобили, пусть даже современные, — это еще не означает быть лидером в автомобилестроении. Китай сильно буксует

в области военной техники, с очень большим трудом ему удастся наладить производство **современных** самолетов или танков. А раз страна не является экономическим лидером, хотя объемы производства игрушек, цемента и масштаб строительства дорог очень велики, то она не является и примером. Здесь все зависит от самих стран второго эшелона, от того, насколько они себя проявят. Скажем, в Латинской Америке, той же Бразилии, движение в части экономики привело к появле-

нию интеллектуальных сил. Но этот процесс очень долгий, скорее всего, он растянется на нескольких десятилетиях.

РЖ *А какие страны могут быть заинтересованы в гласном оформлении политических консенсусов?*

В этом заинтересованы все страны. Как раньше говорили, все люди доброй воли. В том числе и США. И там понимают неизбежность потери гегемонии, а значит, необходимость новых принципов. Им придется поступаться, а это очень тяжело. Настолько тяжело, что в конце концов может привести к относительному снижению качества жизни в США. Но эта новая точка равновесия все равно должна быть найдена. Потому что либо мир находится в равновесии, динамичном равновесии, но все равно в равновесии, либо мир погружается в хаос. В равновесии заинтересованы все.

РЖ *Получается, что новый международный политический консенсус, если он будет выработан, не будет американоцентричным?*

Уже нет. Это исключено. ■

Беседовала Любовь Ульянова